

Без труда обойдя расставленные повсюду караулы и тайные дозоры, Мужун Са с ледяным лицом стремительно направлялся к выходу из дворца.

Однако по пути перед его мысленным взором то и дело возникали обрывки воспоминаний — мгновения, проведённые рядом с Тянь Цаньцюэ. Тот никогда не отличался многословием. Чаще всего он просто молча делал то, что требовалось, а после тихо уходил. Со временем Мужун Са привык к этой ненавязчивой заботе, принимая её как должное. Но сейчас, внезапно задумавшись, он с удивлением осознал: за всё это время Тянь Цаньцюэ сделал слишком много для человека, который, по сути, оставался для него чужаком.

Слишком много.

Воспоминания за последние полгода нахлынули сплошным потоком, заставив Мужун Са нахмуриться ещё сильнее.

«Я никогда ни у кого не был в долгу, — подумал он, резко останавливаясь. — И этот раз не станет исключением»

Он круто развернулся и двинулся обратно тем же путём.

Глухой, прерывистый кашель нарушил тишину безлюдного двора.

«Простудился? Или это что-то посерьёзнее?» — подумал Тянь Цаньцюэ, покачав тяжёлой, словно налитой свинцом головой.

«Может, стоит сходить к лекарю?» — размышлял он, легонько потирая непрерывно ноющую грудь.

«И где же он ютится?» — недоумевал Мужун Са.

Он обошёл уже почти все обитаемые дворы во Дворце Поднебесной, но так и не нашёл нужного места. Укрывшись в глубокой тени, он попытался восстановить в памяти план поместья, силясь вспомнить, не упустил ли из виду какую-то заброшенную окраину.

— Молодой господин, стойте! Туда нельзя! — раздался вдруг тревожный девичий голос.

Мужун Са насторожился и скользнул взглядом в сторону звука.

Из-за поворота показалась молодая служанка лет семнадцати на вид. Она бережно, но настойчиво держала за руку трёхлетнего малыша.

— Мой хороший, ну же, не ходи туда, — уговаривала она его, пытаясь увлечь за собой. — Пойдём обратно, а я тебе за это чудесную сказку расскажу. Хочешь?

— Хочу туда! Хочу! — закапризничал ребёнок, сердито топая крошечными ножками и пытаясь вырваться.

— Будешь упрямиться — накличешь беду, — служанка упёрла руки в бока, решив прибегнуть к проверенному средству. — Там, за стеной, живёт страшный серебряволосый монстр. Он жуть как не любит непослушных детей!

Малыш замер. Он испуганно уставился на нянюку круглыми глазёнками.

— Серебряволосый... монстр?

— Именно! Самый настоящий людоед! — Служанка скорчила жуткую гримасу и, растопырив пальцы, зарычала: — Вот так как схватит! Р-р-р!

Перепуганный кроха не выдержал и громко разревелся.

— А-а-а! Не хочу к монстру! Спасите! — Он изо всех сил вцепился в подол её платья, испуганно озираясь по сторонам, словно чудовище уже тянуло к нему свои когти.

— Вот и будь послушным, тогда монстр тебя не тронет. А если полезешь туда, он тебя мигом сцапает и съест, — продолжала поучать его нянька, довольная результатом своей выдумки.

— Я буду послушным! Не пойду туда! — поспешно закивал напуганный до смерти ребёнок.

Тут к ним подошла другая служанка, постарше, наблюдавшая за этой сценой с весёлой усмешкой.

— Сяо Чунь, не грех тебе так пугать ребёнка? — с улыбкой упрекнула она напарницу. — Всё-таки тот, кто там живёт, хоть и на бумаге, а приходится ему старшим братом. Как-никак, старший молодой господин.

Сяо Чунь лишь пренебрежительно фыркнула:

— Да брось ты, Юэ-цзе! Неужто я не права? Сама знаешь, госпожа ещё при его рождении прокляла его, обозвав выродком и чудовищем. А уж если вспомнить, что болтают... —

Служанка таинственно понизила голос, оглядываясь.

Любопытство Юэ-цзе мгновенно разгорелось. Она придвинулась ближе, жадно ловя каждое слово:

— Ну же, не томи! Что там ещё болтают?

Сяо Чунь выдержала театральную паузу, наслаждаясь произведённым эффектом, и наконец зашептала:

— Говорят, он хозяину вовсе не родной сын!

Юэ-цзе разочарованно махнула рукой:

— Тоже мне, новость! Об этом судачат уже бог весть сколько лет. Я-то думала, у тебя и впрямь что-то свеженькое есть.

— погоди, не перебивай! — самодовольно усмехнулась Сяо Чунь. — То, что он пригульный, подозревали многие, да только никто не знал, кто его настоящий отец. Верно?

Юэ-цзе согласно кивнула, она вновь азартно блеснула глазами:

— Ну? И кто же? Неужто прознала?

— Сама-то откуда? — отмахнулась Сяо Чунь. — Мне Ван Эр по секрету поведал. Он своими глазами видел, как в ту ночь госпожа тайно принимала в своих покоях мужчину. Да непростого! Тот незнакомец был прекраснее любой женщины, с длинными, до самого пояса, серебряными волосами. И — самое жуткое — у него были точно такие же отвратительные, сочащиеся кровью алые глаза, как и у нашего уродца во дворе.

— Вот оно что! — ахнула Юэ-цзе, она довольно улыбнулась от столь сочной сплетни.

— Только чур — никому ни слова! — строго предупредила Сяо Чунь. — Ван Эр мне это только по дружбе доверил, если всплывёт — обоим не сдобровать.

— Да за кого ты меня принимаешь? У меня рот на замке, могила! — Юэ-цзе картинно ударила себя в грудь, заверяя в своей надёжности.

— Ну и славно. Ладно, побегу я, пора кормить малого, — Сяо Чунь подхватила притихшего ребёнка на руки.

— Ступай, ступай, — приветливо помахала ей Юэ-цзе.

Едва Сяо Чунь скрылась за поворотом, Юэ-цзе нетерпеливо забормотала себе под нос, лихорадочно соображая:

«Какая поразительная тайна! Нужно скорее рассказать Сяо Си и остальным, они просто лопнут от любопытства!»

Она наспех взмахнула метлой, смахивая пару сухих листьев для видимости работы, бросила её и поспешила прочь, сгорая от нетерпения поделиться свежей сплетней.

«Монстр...» — мысленно повторил Мужун Са, провожая взглядом уходящих служанок.

В душе его шевельнулось любопытство, смешанное с сомнением. Немного поразмыслив, он бесшумно оттолкнулся от земли, взмыл вверх и легко перемахнул через высокую стену. Мягко приземлившись во внутреннем дворе, он скользнул к раскидистому дереву с густой листвой и надёжно укрылся среди ветвей.

Едва он затаился, до его слуха донёсся тихий, натужный кашель.

Этот знакомый звук заставил сердце Мужун Са сжаться от невольного укола вины. Хотя он прекрасно знал разрушительную силу боевого строя Десяти шагов смерти, увидеть последствия воочию оказалось непросто. На душе стало скверно: ведь Тянь Цаньцюэ пострадал исключительно из-за него.

— Молодой господин... — нерешительно позвала старая Фу-ма, медленно ковыляя к дереву, под которым сидел бледный Тянь Цаньцюэ.

— Что-то случилось, Фу-ма? — спросил он, с трудом сдерживая головокружение.

— Мой внучок совсем разболелся... — пробормотала она, виновато опуская глаза.

Она прекрасно видела, как плох её хозяин, и понимала, что сейчас её долг — оставаться рядом и ухаживать за ним. Но материнское сердце разрывалось от тревоги за собственного внука.

— Я понимаю. Ступайте, дитя сейчас важнее, — мягко ответил Тянь Цаньцюэ.

Он приложил ладонь ко лбу. Кожа горела.

«Похоже, жар нарастает. Наверное, просквозило, пока лежал здесь на сырой земле. Ничего, укроюсь потеплее, пропотею хорошенько — и всё пройдёт»

Тянь Цаньцюэ поднялся, опираясь о ствол дерева, и принялся отряхивать одежду от пыли.

«Надо будет при случае выбраться в город и раздобыть целебных трав на будущее...»

Стоило ему сделать шаг, как перед глазами всё поплыло. Окружающий мир резко померк, земля ушла из-под ног, и он стал заваливаться вперёд.

— Да что ты творишь?! — раздался над ухом резкий, требовательный голос.

Тянь Цаньцюэ не успел встретиться с холодной землёй — чья-то сильная рука подхватила его за пояс, не позволяя упасть.

Когда пелена перед глазами медленно рассеялась, он с изумлением уставился на человека, бережно державшего его.

— Старший... Мужун?!

<http://bllate.org/book/19906/2038228>